

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И НЕРАВЕНСТВО: ОТ МАРКСИЗМА К МИР-СИСТЕМНОМУ АНАЛИЗУ

1.

Тему глобализации смело можно назвать самой модной в современных социально-политических, экономических, а также культурологических исследованиях. Причина этому в совпадении целого ряда факторов — упрочение транснационального характера современной экономики, окончание «холодной войны», успех европейской интеграции, формирование качественно нового информационно-технологического пространства, глобальные политические вызовы (от феномена единичной сверхдержавности США до новейшего явления «международного терроризма»).

Заметим, что генеалогия сугубо оптимистических представлений о глобализме как ведущей тенденции исторического развития восходит к Просвещению и новоевропейскому рационализму. К. Маркс включает в одно из предисловий к «Капиталу» следующую формулу собственной экономической интерпретации мировой истории: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹. Ш. Айзенштадт, современный авторитетный либеральный теоретик «модернизации» (антимарксист), через сто лет после «Капитала» фактически повторяет тезис своего оппонента: «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты»².

Социальная наука уже давно стремится представить экономическую динамику и, прежде всего, в капитализм, аккумулирующий основные тенденции социально-экономического

развития («развитие») это фактически главная религия «обществ модерна», в качестве общего основания для универсализма как прошлой истории, так и будущих перспектив всего человечества. «Рост и совершенствование производительных сил, или материальной базы общества, заменили саморазвитие “мыслящего духа” как движущей силы всемирной истории в философской системе Гегеля»³, — очень точно заметил по этому поводу В.А. Зарин.

Можно выделить три основных типа глобалистского подхода к истории:

1. Радикальный универсализм, признающий реальность и всевластие единой модели развития для всех стран и народов, которые вынуждены проходить структурно аналогичные фазы общественной эволюции. Иначе говоря, это признание универсальности не только современного капитализма, но и докапиталистических исторических систем. Типичные образцы такого мировоззрения: «пятичленная» теория истории советского марксизма; очень популярная ныне в России «трехчленная» технологическая интерпретация исторического развития (аграрная, индустриальная и постиндустриальные стадии); «некоммунистическая пятичленка» У. Ростоу⁴, автор которой также исходил из технологической интерпретации развития, то есть определяющего значения технологий, а не характера социальных отношений или политических структур.

2. Умеренный универсализм, признающий универсальность только структур обществ модерна и частнокапиталистической экономики (индустриализм, политическая демократия, буржуазная правовая культура) и качественную гетерогенность докапиталистических форм. К этому типу можно отнести ряд неортодоксальных интерпретаций марксизма (в том числе и сложившихся в СССР), а также большинство теорий модернизации 60-х годов, авторы которых испытали, но преодолели влияние У. Ростоу.

3. Исторический антиуниверсализм, утверждающий принцип синхронной, функциональной артикуляции разнообразных социально-экономических укладов (классический капитализм — только один из них). Это направление представлено историческими исследованиями выдающегося французского экономического историка Ф. Броделя и его последователями, а также тесно связанным со «школой Броделя» так называемым

мир-системным анализом. С нашей точки зрения это направление несправедливо считается новым, поскольку его предтечей выступают некоторые теории империализма, возникшие в рамках революционного марксизма, а также неомарксистские теории неразвитости и зависимого развития 1950–1960-х гг.

Что позволяет объединять, с одной стороны, теории империализма, созданные В.И. Лениным, Р. Люксембург, Н.И. Бухариным, с другой стороны, концепции неразвитости и зависимого развития неомарксистки ориентированных П. Бэрана, П. Суизи, Г. Магдоффа, А.Франка, С. Амина, и, наконец, мир-системный анализ, в рамках одной идейно-теоретической парадигмы?

Мнение П. Штомпки: «Три теоретических подхода к глобализации могут считаться классическими: теория империализма, теория зависимости и теория мировой системы. Они имеют общую исходную посылку и несут схожую идеологическую нагрузку. Каждая из них касается в основном экономической сферы и нацелена на то, чтобы вскрыть механизмы эксплуатации и несправедливости. Таким образом, у них явно марксистские корни и левая ориентация»⁵.

Добавим от себя несколько замечаний по этому поводу. Во-первых, во всех этих подходах можно встретить характерное для марксистской методологии рассмотрение материального производства как матрицы социальных систем, определяющей характер их исторического развития. Во-вторых, концептуализация капитализма, как глобального, многоструктурного феномена мировой истории в отличие от европоцентричных и моноструктурных его интерпретаций. Капитализм фактически рассматривается как главная, наиболее эвристически-ценная «объяснительная модель» мировой истории. В третьих, разработка исторических, а не формально-универсалистских моделей капитализма, убежденность в том, что адекватное знание о капитализме достижимо только через анализ его исторического генезиса (своего рода, приоритет экономической истории над экономической теорией). В четвертых, это критическая направленность, не позволяющая назвать данную идейно-теоретическую традицию идеологически беспристрастной. Интересно, что практически всегда теории империализма и мирового неравенства играли своеобразную роль анклава пессимистических представлений в периоды торже-

ства социального оптимизма и прогрессизма. Ранние теории империализма, акцентировавшие непреходящий характер противоречий монополистического капитализма, противостояли либеральному прогрессистскому оптимизму XIX века, подорванному Первой мировой войной, большевистской революцией в России, «великой депрессией» 1930-х годов. Критический пессимизм А. Франка и С. Амина существенно ослабил авторитет либеральных теорий и политики догоняющего развития в 1960-е годы. Мир-системный анализ играет подобную роль в нынешнюю эпоху, отмеченную посттоталитарным оптимизмом и чересчур поспешно объявленную Ф. Фукуямой «завершением истории»⁶.

Главная задача данной статьи — рассмотреть ретроспективно эволюцию этих идей и подходов, снабдив их соответствующими комментариями.

2.

Уже в революционно-марксистских теориях империализма обозначились и экстраполяция феномена империализма на все исторические фазы развития капитализма (Р. Люксембург), и понимание «неравномерности» как основной (непреодолимой) черты капиталистического развития (В.И. Ленин), и толкование «мирового хозяйства» как самодостаточной целостности, обладающей собственной логикой развития, отличной от ее элементов (Н.И. Бухарин). Все эти темы окажутся ведущими в многообразных интерпретациях глобального капиталистического развития во второй половине XX века.

Западная традиция анализа империализма и мирового неравенства претерпели существенные изменения после второй мировой войны. Изменился сам предмет научного интереса: первостепенное внимание уделялось не внутренним и внешнеполитическим проблемам западных («империалистических») держав, а мировой периферии. Одна из основных причин этой перемены — утрата интереса к природе экономических кризисов в развитых странах, которые служили своеобразным «источником вдохновения» для «левых» теоретиков. 1950-е годы — относительно благополучное для этих стран время, эпоха расцвета политики государства «вэлфара», ориентированной на «всеобщее благосостояние», когда

успешный синтез рыночных принципов, государственного регулирования и социальной благотворительности не напоминал о «кризисной природе капитализма», а в научной среде господствовали проникнутые уникальным социально-экономическим оптимизмом теории «модернизации». С другой стороны, это эпоха упадка революционных движений, связанных с классическим марксизмом и Коминтерном.

Одновременно с этим колониальный империализм быстро ушел в прошлое, подавляющее большинство бывших европейских колоний обрело государственную независимость. Бандунгская конференция 1955 года возвестила о рождении новой политической и экономической реальности — так называемого «третьего мира». Она же, по сути, высветила проблему «развития» как проблему мирополитическую. Получив политическую независимость, правительства и граждане новых государств, столкнулись с экономическими проблемами неразвитости. До этого принадлежность к той или иной империалистической державе или к определенной «сфере влияния» превращала неразвитость в проблему метрополий.

Неограниченная вера в то, что развитие аналогичное тому, что прошли Англия, США, Япония или любая страна мировой метрополии, является неизбежной и необратимой социально-экономической и политической тенденцией, обрела свое концептуальное воплощение в так называемых «теориях модернизации». Почти два десятилетия длилось их безусловное доминирование в сфере исследований проблем развития.

Первые упреки в их адрес родились в среде членов Экономической Комиссии по Латинской Америке при ООН (или ЭКЛА). Именно в отчетах этой комиссии, подготовленных для ООН в течение 1940-х и 1950-х годов, и особенно в работах ее руководителя, экономиста и политика Рауля Пребиша категории периферии и ядра (центра) мировой экономической системы были впервые связаны с подробными эмпирическими исследованиями. Разделяя тезис о взаимозависимости стран и народов в системе международного разделения труда, экономисты ЭКЛА утверждали, что развитые страны вступают в эти связи зависимости (якобы обоюдно выгодные) на гораздо более выгодных для себя условиях, нежели страны периферии. Развернувшаяся сначала в ЭКЛА дискуссия по проблемам развития обрела свое концептуальное и идеологи-

ческое воплощение в теориях международной эксплуатации П. Бэрна, А.Г. Франка и С. Амина и других. Чаще всего, их называют теориями зависимости или теориями неразвитости. Абстрагировавшись от различий, попытаемся выделить их некое доктринальное инвариантное ядро.

Это представление о мировой системе как о целостности, внутри которой развитие одной части происходит за счет консервации неразвитости или недостаточного развития других частей. Неомарксисты 1960-х достаточно широко трактуют содержание базовых оснований целостности мировой системы, однако сам механизм обеспечения неравномерности развития понимается ими примерно. Он включает в себя внешнюю торговлю, неравный обмен, переход прибавочной стоимости от периферийно-сателлитных стран к центрально-метропольным (в основном, через транснациональные корпорации), а также ограниченное применение современных технологий в слаборазвитых странах.

Очень важно, что неразвитость трактуется здесь не в качестве элементарной экономической отсталости или стагнации, чьи причины имеют сугубо внутренний характер. Неразвитость, с одной стороны, объявляется суммирующим проявлением принципиально внешней «игры сил», а, с другой стороны, предстает зависимым, извне управляемым изменением, которое можно только с точки зрения сугубо количественных оценок принимать за развитие. Прочитируем известный пассаж А.Г. Франка: «Один и тот же исторический процесс экспансии и развития капитализма по всему миру одинаково порождает — и продолжает порождать — как экономическое развитие, так и структурную неразвитость»⁷.

С. Амин, например, истолковал первоначальное накопление капитала, которое Маркс называл «историческим процессом отделения производителя от средств производства»⁸, как процесс «отделения» части прибавочной стоимости от производившей ее периферии в пользу стран центра, имеющий транзитивный характер. Маркс, как известно, полагал, что новая стоимость (источник капиталистического накопления) возникает внутри производственных отношений определенного типа. Амин же утверждал, что прибавочная стоимость возникает из-за неравенства обмена между различающимися между собой (в центре и периферии) условиями воспроизвод-

ства рабочей силы хозяйственными структурами, часть из которых не может быть признана капиталистическими, хотя и участвует в процессе капиталистического накопления на мировом уровне.

3.

Историю самого мир-системного анализа обычно принято отсчитывать от 1974 года. В этом году американец Иммануил Валлерстайн, прежде известный как ученый-африканист, опубликовал солидную монографию «Современная мир-система: капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в шестнадцатом столетии»⁹. Книга была заявлена как первый том исторической «квинталогии» с общим названием «Современная мир-система». В том же году увидела свет программная статья Валлерстайна «Подъем и будущий упадок мировой капиталистической системы: основы сравнительного анализа»¹⁰, в которой были сформулированы теоретические и методологические основы декларируемого Валлерстайном подхода к истории и современному состоянию глобального капитализма.

После 1974 года Валлерстайн опубликовал еще два тома «Современной мир-системы». В 1980 году «Меркантилизм и консолидация европейской мир-экономики, 1600–1750»¹¹, в 1989 году «Вторая эра великой экспансии капиталистической мир-экономики, 1730–1840»¹². Своего исследовательского обещания Валлерстайн не выполнил — судя по всему, заявленная историко-экономическая эпопея в пяти томах не будет дописана. Однако невыполненное обещание с лихвой компенсировалось просто фантастическими работоспособностью и плодovitостью автора. Он издал около двадцати книг (часть в соавторстве с Т. Хопкинсом, С. Амином, Д. Аригги, А.Г. Франком, Э. Балибаром), опубликовал сотни статей. На сайте журнала «Скепсис»¹³, например, можно чуть ли не еженедельно знакомиться с переводами свежих Валлерстайновских комментариев по поводу текущей внешней и внутренней политике США.

Интересна «история» мир-системного анализа в России. Его «открывателями» и популяризаторами стали отечественные востоковеды (прежде всего, А. Фурсов и М. Чешков), что объяснимо — востоковедение всегда было наиболее методо-

логически и теоретически независимой частью советской исторической науки. С другой стороны, это парадоксально, ибо «востоковедческий компонент» является слабым звеном мир-системной теории. О непреходящем значении мир-системного анализа для отечественной науки свидетельствует тот факт, что популярный журнал «Полис» посвятил Валлерстайну в 2004 году целый номер.

Мир-системный анализ базируется на системе связанных друг с другом теоретико-методологических «отрицаний», которые, с точки зрения Валлерстайна, и отделяют его от классической социальной науки Запада.

1) Мир-системный анализ предлагает осуществить методологический синтез, призванный преодолеть не больше не меньше, как все «теоретическое наследие XIX столетия», которое можно считать «историческим отечеством» всех современных наук. Декларируемый холизм предполагает отказ от дифференциации локальных исследовательских дисциплин. «Нам было завещано ужасное наследие социальных наук XIX века — уверенность в том, что социальная реальность размещается в трех различных и не связанных между собой областях: политической, экономической и социокультурной... Зная, как действительно реализует себя современный мир, мы должны признать, что это “нонсенс”»¹⁴, — пишет Валлерстайн. При этом, Валлерстайн стремится отделить мир-системную методологию от не менее традиционного междисциплинарного подхода, видя в нем не избавление от исследовательского редукционизма, а простую сумму редукционистских установок.

2) Ни «государство», ни «общество» не должны использоваться в качестве исходной единицы социального и исторического анализа. Государство является только «одним типом организационной структуры среди множества других внутри единой социальной системы»¹⁵. С этим же связано полное неприятие позиции академической западной социологии, которая, развивая идеи Т. Парсонса, Р. Мертон, П. Лазарсфельда, стремится выделить «общество», «социальные структуры», «общественные изменения» в качестве особых объектов исследования. Позиция Валлерстайна: «Бесполезно анализировать процесс социального развития наших множественных (национальных) “обществ” так, словно это автономные, внутренне-эволюционирующие структуры, созданные процес-

сами мирового масштаба и принимающие конкретную форму в соответствии с этими процессами»¹⁶.

3) Абсолютный отказ от европоцентризма. Мир-системный анализ отрицает любую возможность рассмотрения отдельных субструктур или социальных процессов в качестве «моделей» или «образца» для других (параллельных) субструктур и процессов, якобы «запаздывающих» («догоняющих») их в своем развитии. Ложный универсализм теорий модернизации 1950-х годов и их нынешних последователей является «врагом номер один» для мир-системщиков. Валлерстайн пишет об этом: «... ни об Европе, ни об Англии нельзя сказать, что они вошли “первыми” в модернизированный мир, в который другие регионы или страны должны прийти “вторыми”»¹⁷.

4) Из этого следует мир-системное отрицание как циклической, так и эволюционистской историософии. По мнению Валлерстайна, понятия циклов и трендов (необратимых тенденций) не должны рассматриваться как исключаящие друг друга. Их следует использовать в качестве некой «символической пары», отражающей внутреннюю сущность социальных феноменов. Утверждения того, что история никогда не повторяется, или того, что существуют ее неизменные константы, связанные либо с внеисторической «человеческой натурой», либо с трансисторическими закономерностями, в равной степени несправедливы.

Через понятие «историческая система» Валлерстайн старается преодолеть противопоставление пространственно-цивилизационных и хронологически-формационных трактовок истории. Всякая историческая система на протяжении своего существования демонстрирует определенные повторяющиеся образцы (циклы), но всякая система исторически и пространственно ограничена, поэтому неповторима. Исторические циклы функционирования системы отражают внутрисистемную напряженность. Из взаимодействия последовательных циклов складываются линейные тренды, неизменно ведущие к дезинтеграции или структурной трансформации исторической системы в целом, когда происходящие в ней процессы начинают приобретать вероятностный характер.

Валлерстайн выводит за пределы социальных наук извечную проблему уникального и типического в истории. Мир-системный анализ отказывается от постановки предполагаемо

ложной проблемы «частного и общего», в неправильном разрешении которой его обвиняют многие критики, заменив ее предпологаемо более ценной для познания проблемой «части и целого».

Наиболее «подходящей для разработки единицы анализа, необходимой при всех операциях сравнения»¹⁸, Валлерстайн считает «социальную (или историческую) систему». «Социальная система» это многомерная, пространственно-временная целостность, характеризующаяся «самодостаточностью в самом широком смысле» и «сугубо внутренней (endogenous) динамикой развития»¹⁹.

Три варианта «социальных систем» Валлерстайн полагает существовавшими в истории. На заре истории это «мини-системы», небольшие, замкнутые социально-экономические единицы, «высоко-автономные, когда-то существовавшие сообщества, не являвшиеся частью регулярной налогооблагающей системы»²⁰. Они охватывали незначительные территории, представляли из себя малые коллективы — несколько родов или племен, занятых либо охотой и собирательством, либо низко-технологическим сельским хозяйством, ориентированным на удовлетворение непосредственных нужд. «Мини-систем» в истории было множество, но существование их никогда не было долговечным.

Крупные «социальные системы» Валлерстайн называет «мир-системами». В них принципиальное значение имеют особенности политической организации, которая может либо доминировать над экономической — это «мир-империи», либо являться «производной» от нее — это капиталистические «мир-экономики». Кроме того, он упоминает еще одну разновидность «мир-системы» — «возможную в будущем социалистическую систему с мировым правительством»²¹, которая могла бы быть, с точки зрения Валлерстайна, более рациональной, свободной, безгосударственной (но управляемой), нерепрессивной, максимально эгалитарной, демократической, неагрессивной, экологичной, соединяющей планирование с высокой производительностью (нонсенс для либералов). Однако Валлерстайн категорически отказывается отождествлять ее с реальным социализмом XX века, акцентируя ее гипотетичность, а не предопределенность. Ряд его немногочисленных замечаний по ее поводу едва ли может

быть признан некой модернизированной реинкарнацией марксистской революционной футурологии.

«Мини-систем» уже не существует, «мировой системы социалистического правительства» еще не существует и возможно она никогда не будет существовать. Реальная история человечества на протяжении нескольких тысячелетий определялась противоречивой динамикой отношений «мир-империй» и «мир-экономики», которые являются единственными «социальными системами», доступными для анализа.

«Мир-экономика» как «социальная система», отличается структурно от «мир-империи» тем, что она интегрирована относительно независимыми экономическими связями, а не административными институтами редистрибутивного государства. Валлерстайн подчеркивает: «она (мир-экономика) является мир-системой не потому, что она охватывает весь мир, но потому что она значительнее любой юридически определенной политической целостности. И она является мир-экономикой потому что основополагающие связи между частями системы являются экономическими связями (торговля/обмен, в отличие от мир-империи, в которой связи между частями являются политическими, контролируемые охватывающей все и проникающей всюду налогооблагающей бюрократией)»²².

Что касается «мир-экономики», то следует вспомнить о том, что это понятие используется в качестве ключевого и у Ф. Броделя. Мир-экономика для Броделя отличается от более широкого и традиционного понятия мировой экономики тем, что она более локальна и не охватывает планету в целом. Говоря словами самого Броделя: «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»²³. Изначальное определение, как мы видим, очень близко к валлерстайновскому, однако его конкретизация выявляет ряд серьезных отличий, на которых обращал внимание и сам Бродель.

Прежде всего, с его точки зрения, «миры-экономики существовали всегда, по крайней мере, с очень давних времен»²⁴. Валлерстайн же говорит о мир-экономике только применительно к возникшей сначала на европейском континенте в XVI веке и постепенно интегрировавшей весь мир капиталистической мир-экономике.

Бродель считает иначе: «В основном наши (с Валлерстайном) взгляды совпадают, даже если Иммануэль Валлерстайн полагает, что не существует никакого другого мира-экономики, кроме европейского, который возник лишь в XVI веке, в то время как я считаю, что задолго до того, как европейцы узнали мир во всей его огромности, со Средних веков и даже с Античности, он был разделен на ряд более или менее централизованных и связанных экономических зон, т.е. на несколько сосуществовавших миров-экономик»²⁵. К их числу Бродель относит Черную Африку, Россию, Турецкую империю, Дальний Восток, средневековое Средиземноморье и т.д. Одним словом, он отказывает Валлерстайновскому понятию мир-империи в эвристической ценности и видит мир-экономику даже в тех случаях, когда Валлерстайн предпочитает говорить об имперской системе.

Валлерстайн же вводит понятие капитализм вместе с самим понятием «мир-экономики». «Капитализм и мир-экономика (а именно единое разделение труда, сопряженное с политической и культурной множественностью) являются двумя сторонами одной медали. Ничто здесь не есть причина другого. Мы просто определяем один и тот же неразделимый феномен разными характеристиками»²⁶, — пишет он.

Смысл географического разделения труда, фактически отождествляемого Валлерстайном с капитализмом, он видит в иерархии трех структурных уровней — ядра, периферии и полупериферии. «Мир-экономика базировалась именно на том, что реально существовали эти три зоны и на том, что в них использовались различные способы контролирования трудовых ресурсов. Если бы все обстояло иначе, нельзя было бы гарантировать перетекание прибавочной стоимости, которое и сделало возможным появление капиталистической системы»²⁷, — пишет Валлерстайн. Торговая глобализация и интеграция мир-экономики ведет не к однородности инкорпорированных в нее и порожденных ею социально-экономических укладов, а к их структурной дифференциации. Отметим, что воспроизводство этой дифференциации рассматривается как воспроизводство главного условия функционирования капиталистической мир-экономики, а как не его результат.

Интенсивное развитие коммерции в XVI веке, обусловленное множеством причин — от Великих географических откры-

тий и революции цен до демографических всплесков и неспособности империи Габсбургов превратить мир-экономику в мир-империю — формирующееся географическое разделение труда бросают вызов отдельным европейским регионам. Разница их «ответов» приводит к внутренней неоднородности мир-экономики. Капиталистический императив максимализации прибыли действительно определяет процессы, обычно отождествляемые марксистами и либералами с развитием капитализма — отделение непосредственных работников от средств производства (товаризация рабочей силы), концентрация средств производства в частной собственности — но только в отдельных регионах, например, в Англии. В других регионах тот же самый императив (Восточная Европа) приводит к прикреплению производителей к средствам производства («второе закрепощение» крестьянства в Восточной Европе) или к возрождению плантационного рабства в Новом Свете.

Очевидно, что эти парадоксы генезиса капитализма противоположны марксистской трактовке первоначального накопления, которое является необходимым условием дальнейшего развития капитализма. «Свободный труд это способ контролирования рабочей силы, применяемый в странах ядра в производстве, требующем высокой квалификации, тогда как принудительный труд используется в менее квалифицированных работах в периферийных областях. Комбинация всего этого является сущностью капитализма. Если бы труд был везде свободным, мы бы давно уже получили социализм»²⁸, — пишет Валлерстайн.

Структуры «классического капитализма» оказываются в его теории одним из рядовых функциональных элементов капиталистической системы. Сама же система представляет географически (а не социально) организованное товарное производство и распределение.

Начиная с XVI века вплоть до нынешнего времени иерархическая структура мир-экономики не изменялась, просто «наполнение» ее структурных уровней конкретными регионами земного шара менялась в истории. В периоды экспансии мир-экономики полупериферийные государства «в какой-то степени служат для трансмиссии экономических ограничений и политических стратегий», объектами которых оказывается периферия. В периоды стагнации связи между полупериферийными государствами и государствами ядра могут ослабе-

вать. При этом, часть стран полупериферии, располагая достаточным силовым потенциалом, может составлять конкуренцию странам ядра, «создавая новые квази-монополии, заменяя некоторые угасающие силы ядра, насаждая себя в качестве новых сил ядра (а не полупериферии)»²⁹. Подобная внутренняя динамика, не разрушающая общую конституцию системы, с одной стороны, обеспечивает ее жизнеспособность, с другой, нейтрализует внутреннюю напряженность тем, что создает определенные возможности (нередко иллюзорные) улучшения положения отдельных регионов без необходимости улучшения положения всех.

Мир-системная перспектива требует иного видения самого процесса капиталистического накопления, нежели анализ капитализма по модели «фабрики» с производственным отношением труда и капитала (марксизм) или по модели «простого рынка» с его колебаниями спроса и предложения (либерализм). Характеризуя асимметричные отношения между различными компонентами капиталистической мир-экономики, Валлерстайн использует концепцию «неравного обмена» С. Амина — регулярный обмен товарами между регионами, органическое строение капиталов в которых примерно одинаково, а размеры заработной платы различны, предполагает потерю значительной части прибавочной стоимости регионами, рабочая сила в которых обходится дешевле. «Обмен изделиями, содержащими неравное количество общественного труда, мы можем называть отношениями ядра/периферии»³⁰, — пишет Валлерстайн. В другом месте: неравный обмен «средств и, в конечном счете, перетекание части прибавочной стоимости из одного региона к приобретателю прибавочной стоимости в другой» являются «следствием того факта, что в одном регионе затрачивается больше труда при производстве обмениваемой стоимости, чем в другом»³¹.

Интересно, что историческая политэкономика Валлерстайна фактически возрождает многие экономические идеи меркантилизма. Основным объектом анализа у меркантилистов XVII века была сфера отношений между торговыми нациями Запада; именно здесь, т.е. в процессе обмена, и возникала, по их мнению, прибавочная стоимость. Основу неэквивалентности (прибыли) они искали в обмене, а не в социальных отношениях производства. Так и считалось до появления работ основателя школы физиократов Ф. Кенэ (XVIII век), который

первым предположил, что стоимость создается не в обмене и даже не в промышленности (мануфактурном производстве), а в земледелии. «Ценность изделий промышленности пропорциональна ценности средств существования, которые потребляются рабочим и торговцем»³², — утверждал он. Начавшийся поиск выражения стоимости в вещной (то есть объективной, а не случайной и субъективной) форме, особенно отделение стоимости воспроизводства самой рабочей силы от той стоимости, что она создает, обозначил водораздел между классической политэкономией и ее предшественниками.

Своеобразие «неомеркантилизма» Валлерстайна заключается, на наш взгляд, в том, что меркантилистский тезис о происхождении прибавочной стоимости в сфере обращения (причем, международного) соединяется у него с противостоявшей меркантилизму трудовой теорией стоимости, утверждающей реальность объективной основы стоимости (количество трудовых затрат). При этом, функционирование капиталистической экономики рассматривается Валлерстайном не как соответствующее закону стоимости, а как перманентное отклонение от него. Это очень существенный методологический ход — закон формулируется не потому, что он в абстрактной форме может выразить сущность реальности, а потому, что ее постижение облегчается, если рассматривать реальность через постоянное отклонение от закона. Правило формулируется для того, чтобы изучать действительность как «несоблюдение» этого правила.

4.

В общем вкладе Валлерстайна и его последователей в традицию критического анализа капиталистической глобализации можно выделить несколько основных компонентов.

Во-первых, это постановка вопроса об исторических аспектах зависимости и неразвитости, отсюда фактически новая версия мировой истории. Интересно, что европоцентризм преодолевается в ней не через расширение анализа неевропейских регионов, а через новое толкование истории самой Европы. Валлерстайн отказывается от традиционного взгляда на капиталистическое развитие как на постепенное расширение западноевропейских «очагов капитализма», придающее капиталис-

тической системе глобальный характер только на исходе пятивековой экспансии. Мировой характер капитализма, по Валлер-стайну, проявился уже XVI веке, та «глобальная модель», что считается результатом исторического развития капитализма и есть главная причина этого развития. Так история капитализма лишается ее специфически западного статуса, изначально представляя в особом качестве мирового исторического феномена.

Во-вторых, это замена моноструктурной теории капитализма многоструктурной теорией, в которой капитализм рассматривается как система, объединяющая на основе единых функций бесконечного накопления в мировом масштабе множество качественно различных, географически локализованных, социально-экономических и политических структур. Фактически это замена политэкономического толкования капитализма его экономико-географическим толкованием.

Прежняя идеально-типическая модель капитализма, обычно используемая либералами, была основана на «круговой модели общественного разделения труда» — капитал создает эффективное производство, обеспечивая тем самым достойную заработную плату наемных работников, а значит и эффективный спрос, который, в свою очередь, способствует росту прибылей и нормы накопления. Мир-системный анализ вслед за А.Г. Франком и С. Амином связал динамику накопления с иерархической системой географического (политически подкрепленного) разделения труда. Она обеспечивает высокую норму накопления, а значит высокий уровень экономического развития и свободный характер дифференцированного общества, только в ядре мировой экономики. На периферии она делает невозможной норму накопления, достаточной для «запуска» полноценной капиталистической системы общественного разделения труда. Капитализм периферии противопоставлен своей идеально-типической модели, которая реализуется только в ядре, да и то благодаря условиям (мировая гегемония), которые в самой модели не учитываются.

В-третьих, мир-системный анализ способен преодолеть одну главных дилемм современных социальных наук — противоречие между детерминистским и функциональным подходами. Детерминистский (причинно-следственный) подход всегда был ориентирован на анализ социальных изменений или исторического развития как такового. Однако его негативные черты —

причинно-следственная иерархия факторов, приоритетное внимание к односторонним воздействиям одних элементов на другие, а не к взаимодействию между ними — хорошо известны.

Функциональный подход (одним из наиболее известных вариаций которого, стала социологическая теория Парсонса), вроде бы исключая эти недостатки, в основном ориентирован на анализ статических систем, предполагает отвлечение от динамики исторических изменений. Продемонстрируем это одним замечанием функционалиста Рэндклиффа-Брауна: «Мы можем определить функциональное единство как состояние, в котором все части социальной системы работают совместно с достаточной гармоничностью или внутренней согласованностью, т.е. не порождая устойчивых конфликтов, которые не могут быть ни разрешены, ни урегулированы»³³.

То есть чистый функционализм нацелен на исследование того, как система «работает», тогда как для историка гораздо важнее вопрос о том, как она «изменяется». Тем более что характер этих изменений в значительной степени определяется рядом предшествующих по времени состояний самой системы, то есть ее историей. Потому только «реформированный» функционализм может позволить исследовать исторические системы как сложно организованные (состоящие из элементов — подсистем), но изменяющиеся целостности, чьи интегральные характеристики, присущие им как целому и отсутствующие у их элементов, задают динамику самих изменений. Мир-системный анализ предлагает вариант подобной «историзации» системно-функционального подхода. Зарин обращал внимание на то, что проблема генезиса капитализма должна рассматриваться с позиций, близких к рассмотренным выше. Он писал: «Сочетание элементов историко-генетического и структурно-функционального анализа представляется наиболее целесообразным при исследовании этапов становления и развертывания мирового рынка и его составной части — колониальной периферии»³⁴.

В-четвертых, это новое толкование экономики как матрицы общественного развития. Прежде считалось, что на основе унифицированного технологического роста формируются универсальные социально-экономические структуры (капитал, наемный труд, рынок), которые, в свою очередь, определяют унитарный характер мировой истории (формирование демок-

ратического политического порядка, буржуазной правовой культуры, психологического индивидуализма и т.п.). Противостояние таким взглядам, представленным как в марксизме, так и в либерализме, чаще всего выражалось в критике «экономического детерминизма» и в акцентировании определяющего значения социокультурных, политических, этнических, цивилизационных факторов. Мир-системные исследования продемонстрировали, что сама внутренняя логика непрерывного развития мировой экономики, а не реликты доиндустриальных обществ и не многообразие социокультурных факторов, не оставляет никаких оснований для уверенности в однотипности исторического развития отдельных стран и обществ, объединенных в едином мировом хозяйстве.

В-пятых, новое понимание самого характера исторического развития. Прежнее понимание строилось вокруг принципа последовательности, который стал настоящим идолом (соблазном) исторической науки, понимавшей возникновение одних социальных форм из других строго как замену (вытеснение) старого новым. Если прежде антиподом линейного толкования всемирной истории являлся либо цивилизационный подход, либо принцип циклизма в историческом развитии, то мир-системный анализ, например, обращает первостепенное внимание на то, в истории главное значение имеют реалии синхронного существования разных экономических укладов, культурных типов, политических структур и т.п., соединенных функциональными, а не причинно-следственными связями. Об этом точно высказался Бродель: «Это положение объясняет ход истории иначе, чем привычная последовательная схема: рабовладение, феодализм, капитализм. Оно выдвигает во главу угла одновременность, синхронность — категории со слишком яркой спецификой, чтобы их действие оставалось без последствий»³⁵.

Мы, в свою очередь, можем предположить, что и мир будущего не сможет стать миром тотального постиндустриализма (как не было тотально аграрного или индустриального миров), а будет представлять из себя систему, в которой одни регионы действительно ориентируются на постиндустриальные формы (новейшие технологии, информация, наука, культура и т.п.), тогда как хозяйство других будет сведено к аграрному и сырьевому сектору, третьих замкнуто на индустриальном производстве и т.д.

Любые высшие формы существуют не после и не вместо низших форм, а параллельно им и за счет них — так можно определить то понимание развития, что сформировалось в процессе эволюции рассмотренного идейно-теоретического направления. Можно предположить, что его утверждение способно вызвать существенные перемены в социальном, историческом и политическом знании.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9.

² Eisenstadt S.N. Modernization: protest and change. N.Y., 1966, p. 1.

³ Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории, XIV–XIX вв. М., 1991. С. 9.

⁴ Rostow W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. London, 1960.

⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 122–123.

⁶ Фукуяма Ф. Конец истории? // США. Экономика, политика, идеология. М., 1990. № 5. С. 67–85.

⁷ Frank, Andre G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America, N.Y., 1967, p. 10.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 727.

⁹ Wallerstein I. The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y., 1974.

¹⁰ Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative studies in society and history. 1974, № 16, p. 387–415.

¹¹ Wallerstein I. The modern world-system II: Mercantilism and the consolidation of the European world economy 1600–1750. N.Y., 1980.

¹² Wallerstein I. The modern world-system III: The second era of great expansion of the capitalist world-economy 1730–1840. San-Diego, 1989.

¹³ <http://www.scepsis.ru/>

¹⁴ Wallerstein I. Unthinking social science: The limits of nineteenth-century paradigms. Cambridge, 1991, p. 264.

¹⁵ Wallerstein I. The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y., 1974, p. 7.

¹⁶ Wallerstein I. Unthinking social science: The limits of nineteenth-century paradigms. Cambridge, 1991, p. 77.

¹⁷ Wallerstein I. An agenda for world-system analysis // Contending approaches to the world-system theory. Beverly hills, 1983, p. 300.

¹⁸ Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative studies in society and history, 1974. Vol. 16, № 4, p. 393.

¹⁹ Wallerstein I. The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y., 1974, p. 347.

²⁰ Wallerstein I. The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y., 1974, p. 348.

²¹ Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge, 1984, p. 163.

²² Ibid., p. 16.

²³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., 1991. С. 14.

²⁴ Там же. С. 16.

²⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. М., 1993. С. 87–88.

²⁶ Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative studies in society and history, 1974. Vol. 16, № 4, p. 391.

²⁷ Wallerstein I. From Feudalism to Capitalism: Transition or Transitions? // Social Forces, 1976. – Vol. 55, № 2, p. 278–279.

²⁸ Wallerstein I. The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N.Y., 1974, p. 127.

²⁹ Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Comparative studies in society and history, 1974. Vol. 16, № 4, p. 404.

³⁰ Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge, 1984, p. 15.

³¹ Ibid., p. 20.

³² Кенз Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960. С. 123.

³³ Randcliff-Brown A.R. On the Concept of Function in Social Science. N.Y., p. 397.

³⁴ Зарин В.А. Указ. соч. С. 3–4.

³⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма... С. 98.